
СОДЕРЖАНИЕ

Система понятий	5
1. Македонија — Македонија. Солнце славян	40
2. България. Славянское царство	80
3. Kosova — Косово. Славянский мираж	130
4. Bosna i Hercegovina. Славянский намаз	172
5. Србија. Славянское зеркало	217
6. Војводина — Vajdaság. Славянское поле	259
7. Црна Гора — Montenegro. Славянская Спарта	285
8. Hrvatska. Славянская звезда	317
9. Далмација. Славянская стена	350
10. Slovenija. Прохладные славяне	391
Центр вселенной	421
Балканы: хронология событий	428
Библиография	439
Заметки автора	445

СИСТЕМА ПОНЯТИЙ

Одно из балканских государств, не так ли? Больших рек нет. Больших гор тоже нет, но те, что есть, весьма живописны. Столица — Экарест. Население — в основном разбойники. Хобби — убийства королей и государственные перевороты.

Агата Кристи,
"Тайна замка Чимниз" (1925)

Олимп вырастает из земель Фессалии и Македонии неожиданно огромным и четко очерченным каменным горбом. Олимп выглядит просто как большая гора — это умом понимаешь, что перед тобой самый главный, мифический саммит Балканского полуострова, да и всей Европы, священный и прославленный. Мы подобралась к нагорью с севера, через город Катерини, и обогнули полукругом, потому что собирались начинать восхождение с юга. Один из маршрутов к олимпийским вершинам начинается у базы греческих десантников и ведет ложем слаломной трассы мимо пика Святого Антония на пик Сколио. Сколио на шесть метров ниже самой высокой вершины нагорья, пика Митикас. 2912 метров: для мужчины средних лет весом почти в центнер, но энергичного и неодышливого, такое горное путешествие — серьезное испытание, хотя задача по плечу. На КПП военной базы поднимающихся в небеса встречает улыбчивый автоматчик в лихо заломленном зеленом берете, проверяет документы, записывает номер мобильного телефона — чтобы знать на всякий случай, кого придется спасать, инструктирует насчет возвращения не позже 18.00 и пропускает в распоряжение части.

Переводя на современный городской арго, паломничество на Олимп по этой трассе — 400 этажей вверх и 400 вниз, 12-километро-

вая трасса с перепадом высот в 1250 метров. Путь вверх труден, но интересен, спуск легок, но неприятен, поскольку приходится постоянно концентрироваться, чтобы не угодить ногой на острый камень или в коровью лепешку. Экспедиция выглядит примерно так. Сначала ты с азартом карабкаешься по склону и всю вертишь головой, потом тебе перестает хватать дыхания, потом ты начинаешь чувствовать мышцы ног, потом начинаешь чувствовать, как эти мышцы сводит, а потом тебе становится все равно и уже ничего не надо — но ты все карабкаешься, лезешь, упираешься, пыжишься, обливаешься соплями и потом и вот наконец восходишь на крышу древнегреческого мира.

Всего в этом горном массиве 52 вершины разной сложности доступа, а Митикас, как почему-то считают романтики, всегда скрыт за облаками. Это неправда — я же фотографировал макушку Олимпа, находясь от нее в непосредственной близости, и могу засвидетельствовать: голубизна неба высоко над Митикасом элегантно сочетается с голубизной Эгейского моря далеко за Митикасом. Отсюда открывается дивный вид на сияющие горные пики напротив, на зияющие провалы внизу, на морскую даль и белый город Катерини, за которым где-то в дымке за сотню километров — Салоники, на соседние горы Пинда и вообще на вселенную, сотворенную промыслом Божиим. Тут вспоминаешь когда-то прочитанное: якобы молодой султан Мехмед IV — тот самый, которому запорожские казаки отправили оскорбительное письмо, — в 1669 году провел на Олимпе более двух месяцев, не только из-за свежего воздуха и пристрастия к охоте, но и потому, что наслаждался фессалийскими и македонскими пейзажами.

Ты глазеешь на вершину Трон Зевса (она же, в православной терминологии, Святого Стефана), и проводник Павел, рожденный в Ташкенте сын греческого коммуниста-партизана, эвакуированного в СССР в 1949 году по милости Коминформа, показывает, что эта скала и вправду похожа на трон. В настоящий момент трон никем не занят. Здесь, наверху, всегда холодно и всегда дует сильный ветер. Другими словами, сусальные картинки придворных живописцев, на которых полураздетые, словно в бане, античные боги в расслаб-

ленных позах восседают на облаках, предаваясь праздности, не ответственны правде жизни. В этой пустоте продрогшим богам совершенно нечего делать. Здесь не летают орлы, потому что и орлы тут не обитают, а в зените — рядом с солнцем — барражирует тактический истребитель НАТО. Каковы же практические смыслы восхождения на Олимп? Сделать селфи, унести с вершины камешек, загадать по просьбе любимой желание. Можно засунуть мятый клочок бумаги с записью “Мы на Олимпе! Ура! Ура!” в прикованный к бетонному столбику с обозначением высоты почтового облика ящик, к которому никогда не придет почтальон. Можно сложить пирамидку из плоских камней, как это, непонятно зачем, уже сделали десятки побывавших здесь до тебя путешественников. Ты вспоминаешь, чем пугал путеводитель — “каждый год Олимп уносит несколько жизней”, — и в шутку осведомляешься, не на этот ли счет пирамидки. Павел беспечно машет рукой: тут и правда гибнут, но единицы, исключительно по неосторожности и почти всегда зимой, хотя, бывает, и летом. Тебе почему-то не смешно, и на пути назад ты высматриваешь траурные памятные знаки, но обнаруживаешь только один, не совсем в тему. Это бюст погибшего в 1941 году при обороне родины от нацистских оккупантов генерала Яниса Папарродаса с высеченным на мемориальном камне вполне древнегреческим стихом с великой первой строкой “Приветствую тебя, о смерть!”. Наверняка как раз у этого памятника молодые парашютисты получают значки отличников боевой подготовки.

Проводник Павел — нормальный мужик, он все понимает, смотрит в твои выпученные глаза и задумчиво говорит, что на Митикас, пожалуй, сегодня не дойти, поскольку тогда мы не успеем спуститься к военной базе до темноты. До пика Митикас на самом деле рукой подать, он молчаливый и прекрасный, нас разделяют только солнечный ветер и прозрачный воздух, но ползти к этой вершине нужно еще примерно час — сначала по горному хребту, а потом наверх по голой скале едва ли не на четвереньках. А у тебя и без того мелко трясутся ноги, а в голове оглушительно бухают мысли и кровь. Поэтому ты делаешь мужественную паузу — и соглашаешься немедленно, очень быстро вернуться. Уже через два часа дневальный на

Николай Майков. "Олимп. Эскиз плафона". 1830-1840-е годы.
Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

КПП козыряет тебе как старому знакомому, и тут ты понимаешь, что прожил один из важных дней своей жизни. Потому что почти наверняка никогда больше не увидишь эти скалы и эти заоблачные горы, никогда больше не достанешь подрагивающими пальцами сигарету из заветной пачки на самой верхотуре Балкан и не затынешься в суровом молчании, глядя в лицо вечности.

Двести с небольшим лет назад никто в Западной Европе понятия не имел о том, что такое Балканский полуостров, ведь прусский географ Йохан Август Цойне запустил этот термин в научно-популярное обращение только в 1808 году. Ученый следовал общепринятой практике своего времени — давать название области по ее главному горному массиву, хотя Балканская гряда (она же Стара-Планина) не

является ни самой обширной, ни самой высокой на полуострове. Я встречал и другую версию: Цойне воспользовался опытом английского путешественника Джона Морриса — тот в конце XVIII века совершил вояж из центра Старого Света на его окраину, в Стамбул/Константинополь, и на обратном пути захватил с собой в христианский мир экзотическое словечко.

Попытки лучше определить неточно обозначенное европейцы, конечно, предпринимали и раньше. На исходе XV столетия итальянский дипломат Филипп Буонакорси описывал в меморандуме в Ватикан далекий край, обитатели которого называли свою горную родину Балканами. Вообще вплоть до середины XIX века в просвещенной Европе “восточными странами” — *l’Orient* — считали все то зыбкое, что уходило по карте вправо и вниз за пределы обозримого из главных тогдашних столиц мира: Россию, Польшу, иногда Богемию, изредка даже Испанию. “Азия начинается за Ландштрассе”, — сказал однажды австрийский канцлер Клеменс фон Меттерних, имея в виду близкий восточный пригород Вены. Джордж Гордон Байрон в поэме “Паломничество Чайльд-Гарольда” (1809–1818), одна песнь которой целиком посвящена путешествиям по просторам современных Албании и Греции, ни разу не упомянул Балканы. Я искал напрасно: лорд, по-видимому, этого слова просто не знал.

На Западе обширные территории за реками Савой и Дунаем до начала прошлого столетия именовали Европейской Турцией (что соответствовало реальности, потому что практически весь Балканский полуостров на протяжении четырех или пяти веков составлял часть Османской империи), а иногда и цветистее — Европейским Левантом. В 1863 году один из основоположников албанистики, Иоганн Георг фон Хан, австрийский консул в Янине и Афинах, предложил термин “Восточно-Европейский полуостров”; постепенно дипломаты, ученые, политики заговорили о Юго-Восточной Европе как о территории с общей судьбой. Кровавое второе десятилетие XX века, наряду с распадом нескольких империй принесшее появление или новое утверждение на бывших османских и австро-венгерских землях шести разнородных государств, закрепило представление о Балканах как о непредсказуемом непростом целом. Страны с пестрой этни-

ческой структурой — Албания, Болгария, Греция, Румыния, Турция, Югославия — копировали модели западноевропейских национальных государств XIX столетия. Сейчас все умножилось на два: Балканский полуостров вмещает в себя дюжину стран, и в каждой задают себе вопросы о прошлом и настоящем, ответы на которые почти всегда непозволительно сглажены.

В Османской империи раскинувшиеся “по ту сторону” Босфорского пролива владения султана именовали Румелией, страной ромеев (Рум, Рим — так арабы обозначали Восточную Римскую империю; подданные ее были известны как ромеи, римляне). В византийское тысячелетие на землях полуострова — за исключением тех периодов, когда их отвоевывали тюркские или славянские варвары, — размещался десяток военно-административных округов, фем; некоторые (как Фракия или Македония) сохраняли древнеримские названия. “Римская нарезка” была крупнее: в эпоху поздней античности на полуострове помещались шесть имперских провинций целиком и три частично.

Даже в начале времен у всего были имена, пусть и мифологические. Среди персонажей античного эпоса числился фракийский царь Гем (сын ветра Борея), соединивший свою судьбу с нимфой Родопой (дочерью музыки Каллиопы или музыки Эвтерпы). Боги Олимпа разгневались, когда эта супружеская чета осмелилась уподобить себя Зевсу и Гере. Как рассказал нам Овидий, в наказание Гем был превращен в Гемские горы, а Родопы — соответственно в горы Родопские: *“Снежные горы теперь, а некогда смертные люди / Прозвища вечных богов они оба рискнули присвоить”*. В мифах Древней Греции насчет Гемских гор встречается более жестокое разъяснение, согласно которому это название происходит от слова *αἷμα* (“кровь”). Свою кровь пролил на безымянные прежде вершины великан Тифон, олицетворявший огненные силы земли. Тифон мог бы сделаться властелином над богами и смертными, если бы Зевс не поверг чудище в бездну ударом молнии. В эллинистической традиции Балканский полуостров целиком тоже назывался Гем. С географических карт это название в наши дни исчезло, чтобы, подобно другим античным топонимам, подняться в небеса: Гемские горы находятся на Луне, окаймляя берега моря Ясности.

Слово *balkan* тюркского происхождения, этим существительным обозначают неровную гористую местность, поросшую густым лесом. В болгарской историографии закрепилась теория, согласно которой кочевникам-булгарам под этим названием был известен протяженный, ровно в 555 километров, хребет (все те же Гемские горы), в новые времена переименованный на славянский манер Стара-Планина (“старая гора”). Однако историки из других стран категоричны: документальных подтверждений использования в доосманский период термина “Балканы” применительно к привычным для нас теперь балканским землям нет.

Тем не менее само понятие вполне древнее, потому что в Евразии — в частности, и в тех краях, откуда сначала в Анатолию, а потом и в Румелию пришло османское племя, — есть свои Балканы. На западе пустыни Каракумы тянется к Каспийскому морю хребет Большой Балкан (Балхан). В предгорьях туркменских Балкан хорошеет на углеводородных деньгах город Балканабат, административный центр нефтедобывающего Балканского велаята. Местная футбольная команда, четырехкратный чемпион республики, тоже называется “Балкан”; ее клубная эмблема с неизбежностью сочетает изображения пятнистого мяча и нефтечерпалки. В башкирской глубинке, у озера Асылыкуль, есть вершина Балкан (Балкан-Тау), элемент Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Эта гора совсем невысока, зато, как сказал краевед, овеяна легендами: из башкирского эпоса известно, что на вершине Балкан-Тау захоронены несчастливые влюбленные — батыр Заятуляк и дочь владыки озера красавица Хыухулу (“башкирская русалка”). Балкантау также — важная улица казахстанской столицы Астаны: здесь расположены отель “Казжол”, ресторан “Фергана” и банный центр “Будь здоров!”.

Тюркская (точнее, наверняка татарская) топонимика добралась и до Москвы: в районе трех вокзалов сохранился Большой Балканский переулочек (прежде существовал и Малый), именованный по засыпанному в конце XIX века пруду. Вероятно, термин использован в данном случае в значениях “болото”, “грязь”. Добавлю еще, что какие-то странные остряки присвоили название “Балкан” запущенному в России в производство в конце 2000-х годов автоматическому станковому гранатомету АГС-40. Это страшное оружие массового убийства (самое

БАЛКАНСКИЕ ИСТОРИИ

КАК БУЗЛУДЖА СТАЛА ГОРОЙ ГЕРОЕВ

Хаджи Димитр (Димитр Асенов). Фото. 1860-е годы

В июле 1868 года на горе Бузлуджа (высота 1441 метр), к востоку от Шипкинского перевала, в неравном бою с войсками Османской империи погиб отряд повстанцев под командованием Хаджи Димитра (Димитра Асенова). Как гласит национально-освободительная легенда, православные четники предпочли плену героическую смерть. Истекающий кровью 28-летний воевода Димитр испустил дух со словами: “Братья, умрем как болгары!” Этому подвигу еще один певец свободы, Христо Ботев (сам через несколько лет

погибший от османской пули), посвятил героическую балладу “Хаджи Димитр”.

Кто в грозной битве пал за свободу,
тот не погибнет: по нем рыдают
земля и небо, зверь и природа,
и люди песни о нем слагают...
Днем осеняет крылом орлица,
волк ночью кротко зализет раны;
и спутник смелого — сокол-птица —
о нем печется, как брат названный.
Настанет вечер — при лунном свете
усеют звезды весь свод небесный.
В дубравах темных повеет ветер —
гремят Балканы гайдуцкой песней!*

* Перевод Алексея Суркова. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Летом 1891 года все на той же вершине другая группа болгарских патриотов исполнила, по завету Ботева, гайдуцкую песню, после чего учредила Болгарскую социал-демократическую партию. Наследница этой организации, приняв линию Владимира Ленина и переименовавшись в Болгарскую коммунистическую партию, после Второй мировой войны пришла к власти в Болгарии. Вскоре Бузлуджа превратилась в святыню местных коммунистов, считавших, что они соединили в своей деятельности идеалы национального освобождения с борьбой за счастье трудового народа. В 1970–1980-е годы на вершине воздвигли так называемый Факельный памятник, а также пантеон в честь Болгарской компартии, смахивающий на огромную летающую тарелку. “Дом-памятник партии” — самый большой идеологический монумент Болгарии, настоящее коммунистическое капище. Интерьеры декорировали скульптурами, бронзовыми барельефами, дюжиной мозаичных панно общей площадью 550 квадратных метров

на патриотическо-коммунистические темы, такие как “Рождение партии”, “Социалистическое переустройство сельского хозяйства”, “Болгарско-советская дружба”. На горе Бузлуджа круглогодично проводились официозные мероприятия: прием в детскую коммунистическую организацию *Септемврийче*, торжества по поводу государственных праздников и разных достижений социализма, чествование передовиков производства. Современность обошлась с памятником жестоко: в 1990-е годы мемориал разграбили, каменные картины разбили, мозаичные портреты основоположников марксизма-ленинизма и их болгарских последователей испортили. Над центральным входом в брошенную святыню появилось издевательское граффити “Забудь свое прошлое!”. В 2011 году мемориал безвозмездно передали в собственность Болгарской социалистической партии, которая ежегодно проводит на вершине Бузлуджи массовые мероприятия и постепенно приводит “летающую тарелку” в порядок.

совершенное в своем классе, чем и гордятся его создатели, если только смерти требуется совершенство).

Типология Балкан в общем и целом соответствует их тюркскому наименованию: здесь множество возвышенностей, поросших букком, дубом, пихтой или сосной, хотя в последние десятилетия кое-где велась массовая вырубка деревьев. На полуторакилометровых отметках турецкая терминология дает сбой: леса сменяются сначала зарослями вереска и можжевельника, потом лугами, еще ближе к небу простирается царство лысых камней. Балканская горная область не рекордсменка по высотности в Европе, она

Пик Мусала. Фото. 1944 год. Болгарский национальный архив, София

уступает и Кавказу, и Альпам, и Пиренеям. Вечных льдов здесь нет: в самой холодной точке Балканского полуострова, на вершине Мусала (2925 метров), снежный покров держится семь или восемь месяцев, а в последние годы и того меньше. “Крышу Европы” ищите в иных краях.

Мусала находится в Болгарии, несколько неожиданно для меня оказавшейся самой высокогорной балканской страной: здесь, представьте себе, насчитали 55 вершин за 2500 метров. По вертикальной части Болгария опережает приподнятые к небу Грецию, Черногорию и Сербию, потерявшую многие свои высотные ресурсы после провозглашения независимости Косова¹. До подно-

¹ Парламент Косова объявил о независимости края в феврале 2008 года. К осени 2018-го о признании государственной самостоятельности Республики Косово заявили 113 из 193 стран — членов ООН (58,5%); в этом списке нет Сербии, России, Китая, Индии, Бразилии, пяти стран Европейского союза, в их числе Испании. Рассказывая в этой книге о Косове, я исхожу из международно-правового определения “частично признанное государство”.

жия Мусалы можно за пару часов доехать из Софии. И этот ороним, как многое на Балканах, тюркский, означает “близко к Аллаху”. С 1949 по 1962 год название горы было политическим, пик Сталин; забавно, что символика — “молитвенная вершина” — парадоксальным образом сохранялась. Олимпийский пик Митикас, кстати, немного, но уступает Мусале; эта шести- или семиметровая разница — один из источников болгарской национальной гордости. Помимо патриотических значений Мусала известна тем, что на ее склонах часто замечают стенолазов — эти забавные серо-красные птички умеют быстро и ловко, опираясь на хвосты, скакать по утесам и обрывам.

В историко-культурном смысле балканские края осмыслены и изучены хуже, чем самые знаменитые в мире горы, Альпы, иначе говорилось бы не “альпинизм”, а “балканизм”, не “альпеншток”, а “балканшток” и луга между поясами кустарника и камня не назывались бы альпийскими. Это не означает, конечно, что Балканы описаны плохо. В библиографии интересной научной работы словенского антрополога Божидара Езерника “Дикая Европа”, в подробностях изучившего вопрос о том, как представляли себе Балканы западные и восточные путешественники второй половины XVII — начала XX веков, указано почти семь сотен названий. Согласно геологической классификации, балканские горы не старые и не молодые, а нормальные: им около 250 миллионов лет, они образовались на стыке мезозойской и палеозойской эр. Нынешние очертания полуострова окончательно сложились в результате движений земной коры 2,5 или 3 миллиона лет назад. Кора до сих пор колыхнется, тектоническая активность продолжается, и землетрясения случаются едва ли не каждый год. Последняя по времени большая катастрофа произошла в 1963-м, когда семибальные подземные толчки разрушили македонскую столицу Скопье, которая потом хотя и была поднята из руин общими усилиями югославских республик, особой красоты так и не приобрела.

Истории, впрочем, знакомы бедствия и поужаснее: доказано, что три с половиной тысячелетия назад извержение вулкана Санторин

на эгейском острове Тира (острова Греции географически тоже считаются частью Балканского полуострова) вызвало мощнейшее цунами, утопившее минойскую цивилизацию на Крите. Легенда гласит: так погибла Атлантида. А вулкан Нисирос на одноименном острове до сих пор “дышит”, прогревая почву. Когда поедете туда, надевайте башмаки на толстой подошве.

Вопрос, что именно в балканской зоне считать горными системами, горными цепями, горными массивами, горными хребтами, что нагорьями и плато, а что просто лесистыми холмами, до сих пор является предметом произвольных толкований, легко заметить разницей. Географы не включают Балканы, в отличие от Кавказа, Памира или Альп, в число “горных стран” — “обширных участков поверхности большой протяженности со складчато-глыбовой структурой земной коры”. Территория Балкан, около 70% которой приходится на горы, очевидно более складчато-глыбовая, чем Европа в целом. Теоретики сельского хозяйства подсчитали, что в Греции всего только 20% территории пригодно для земледелия, а в Албании — еще вдвое меньше. На севере полуострова этот показатель повышается до 40%, и тогда получается, что Балканы — совсем не одни только склоны, провалы и каньоны, здесь хватает и горизонтального измерения. Паннонская впадина переходит в Дунайскую равнину, южнее которой, отчеркнутые горной чередой, лежат Верхнефракийская и Нижнефракийская низменности. Но в целом как не согласиться с французским историком Жоржем Кастелланом, который на первой же странице своей хрестоматийной “Истории Балкан от Мехмеда Завоевателя до Сталина” заявляет: *“Когда ваш самолет снижается над Афинами, Тираной или Софией, вы только горы и видите. Даже более легкодоступные Белград и Бухарест расположены на холмах Шумадии и отрогах Карпат. Горы здесь повсюду”?*

Не претендуя на исчерпывающую точность, предложу свой перечень главных балканских высотных формаций: Стара-Планина и Рила-Родопский массив в Болгарии; Динарское нагорье, протянувшееся от Албании через бывшие югославские республики до северной оконечности Адриатического моря (эти горные цепи иногда называют Албанскими и Динарскими Альпами, но мне та-

кие названия не нравятся, какие же это Альпы?!); наконец, горы Пинд в Греции и их продолжение, горы Тайгет на Пелопоннеском полуострове. Юлийские Альпы (вот это как раз Альпы), зацепившие часть Словении, географически считать территорией Балкан неверно, но что прикажете делать, если самая высокая вершина этого массива, пик Триглав, в массовом сознании на протяжении почти всего XX века ассоциировалась с южнославянской федерацией?

Кое-кому из специалистов (сошлюсь на мнение американского политического географа Джона Лампе) балканские горы кажутся несчастливими: они не таят в своих недрах значительных запасов полезных ископаемых и часто оказывались недостаточно высокими, чтобы защитить местных жителей от вражеских армий, но всегда были достаточно рельефными, чтобы разъединять племена и народы. Ключевым фактором выживания и самосохранения здесь испокон века считалось тесное семейное, групповое сотрудничество. Фигурально говоря, понятие “род” во многих районах Балкан значило больше, чем понятие “народ”. За пределами этого узкого социального круга начинался чужой, как правило враждебный, мир, к которому следовало относиться с опаской. Поэтому у многих из тех, кто считает балканские земли своими, имеется общая, невзирая на национальность и веру, эмоциональная особенность: сильная привязанность к своему краю, прямо-таки пассионарная гордость за “прямых” предков. Это и есть пережившее века чувство балканской родины, у которого мало общего с государственными границами.

География на юго-востоке Европы не всегда дружит с политикой и этнографией. Северную границу полуострова представители разных областей знаний и ученые разных стран вычисляют всяк по-своему. Британская энциклопедия определяет площадь полуострова в 666 тысяч квадратных километров, что совпадает с библейским числом зверя, солидные отечественные источники сокращают ее до 505 тысяч. Справочники большинства балканских государств отмеряют полуострову 550 тысяч квадратных километров (равняется площади Франции). Классический маршрут северной кромки Балкан

Иоганн Непомук Гейгер. "Султану Махмуду II подносят голову Али-паши Тепелени". Гравюра. 1860 год

ДЕТИ БАЛКАН

АЛИ-ПАША ЯНИНСКИЙ

"мусульманский Бонапарт"

Османский сановник, управитель обширных земель, занимавших территории современных Албании и севера Греции, Али-паша из города Тепелени стал популярным героем европейской романтической литературы. Колоритная фигура паши, описанная Байроном, Александром Дюма, Мором Йокаи, соответствовала "балканскому канону", каким его вывели на Западе. Характер этого человека и в самом деле сочетал коварство и жестокость с острым умом и благородством, повадки разбойника и восточного деспота — с тягой к просвещению и мудрой политике, жажду власти и славы — с искусством переговорщика и религиозной терпимостью. Дюма-отец писал об Али-паше в "Истории знаменитых преступлений" безапелляционно:

"Во всей вселенной он видел лишь себя самого, только себя самого любил и только ради себя старался. Природа наградила его зачатками всех мыслимых страстей, и он посвятил всю свою долгую жизнь их развитию и удовлетворению". Али-паша родился в 1740 году в семье османского чиновника, албанца из этнической группы тосков. С юных лет промышлял разбоем, принесшим ему деньги и влияние в горных деревнях, затем за взятку был назначен надзирателем над дорожным хозяйством в местной администрации. Храбрость, богатство и хитрость обеспечили быстрое продвижение по службе. В 1788 году Али-паша получил в управление пашалык со столицей в Янине (сейчас административный центр округа Эпир в Греции) — городе,

ставшем центром греческого просвещения в Османской империи. Большую часть населения области составляли христиане, на самоуправление которых Али-паша опирался, выстраивая свою восточную политику. “Паша может быть назван первым апостолом могущества европейской культуры и необходимости коренных реформ”, — сказано в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Правитель Янины навел порядок в округе, расправился с горской вольницей, установил беспощадный режим налоговых сборов. Заметки о встречах в 1809 году с Али-пашой оставил Байрон, на которого “именитый разбойник”, очаровавший гостя приятными манерами, произвел тем не менее устрашающее впечатление: *“Это безжалостный тиран, повинный в чудовищных жестокостях, прославленный своими победами настолько, что его называют ‘мусульманским Бонапартом’*”. В начале XIX века власть султана на местах была непрочной. Управляя Янинским пашалыком в течение 35 лет, Али-паша проводил независимую политику: заключал тактические союзы то с англичанами, то с французами, во время русско-турецкой войны позволял себе переписку с князем Григорием Потемкиным. Наполеон дважды предлагал паше корону Албании, рассчитывая в борьбе с Осман-

ской империей добиться поддержки одного из самых влиятельных ее феодалов. Некоторые историки полагают, что объективно Али-паша способствовал развитию греческого освободительного движения, хотя он и любил проводить карательные акции против повстанцев. Так или иначе, паша очевидно склонялся к сепаратизму, и в 1819 году султан Махмуд II решил покарать зарвавшегося наместника. Описанию трагической гибели Янины Александр Дюма посвятил главу прославленного романа. Пленительная наложница графа Монте-Кристо Гайде — проданная Фернандом Мондего в рабство дочь Али-паши; тот же негодяй Мондего, если верить Дюма, сдал армии султана за две тысячи кошельков золота защищавшую город крепость. Но реальность более прозаична: после многомесячной осады Янины 82-летний паша был застрелен в бою, и его отрубленную голову выставили на серебряном подносе на обозрение в столице империи. Албанский мусульманский поэт Хаджи Шахрети посвятил паше написанную на одном из новогреческих диалектов цветистую поэму, стиль которой до сих пор изучают лингвисты. В Тепелени Али-паше установлен памятник, его мавзолей в Янине стал адресом исламского паломничества.

в конце XIX столетия прочертил видный сербский географ и антрополог Йован Цвиич: по руслу рек Соча — Сава — Дунай. Есть также вариация по рекам Соча — Випава — Крка — Сава — Дунай, а есть и такая (вообще без клочков Италии и полуострова Истрия): Купа — Сава — Дунай, и даже Уна — Сава — Дунай.